

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Сергея Вячеславовича Ветохова
«Эволюция скальных гробниц Древнего царства
Восточного плато некрополя Гизы»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир)

Полутысячелетняя эпоха древнеегипетского Старого царства оставила несчетное множество памятников, но подробные даты (царствование, «год», месяц, день) уцелели лишь в сотне письменных текстов. Проблема датировки остается ключевой для исследований этой эпохи, а наши достижения по этой части – даже на столичных «мемфисских» кладбищах – все еще незначительны. Одни и те же памятники то и дело причисляются специалистами не просто к разным царствованиям, но к разным историческими эпохам – скажем, от второй половины Старого до первой половины Среднего царства. Поэтому нельзя не приветствовать попытку С.В. Ветохова разработать и применить новые способы датировок скальных гробниц Восточного плато кладбища Гизы. Необходим этот труд и потому, что предшествующие исследования посвящены преимущественно Западному и Центральному плато Гизы, восточная оконечность которой осталась почти без внимания. Теперь же, когда эта территория стала концессией Российской археологической экспедиции в Гизе, участником которой является и С. В. Ветохов, сложились благоприятные условия для изучения и этой части кладбища.

Обоснованность и существенная новизна научных результатов рассматриваемой диссертации во многом определяются тем, что большая часть её источников была получена в ходе раскопок Российской археологической экспедиции в Гизе с участием автора. Ряд источников, не происходящих из этих раскопок, были собраны С. В. Ветоховым непосредственно на месте, в Гизе, и теперь впервые введены в научный

оборот. Все прилагаемые планы и разрезы гробниц выполнены по обмерам, сделанным им в полевых условиях. Особый интерес представляют результаты практических расчетов, основанных на исследовании полевого материала, в т. ч. не опубликованного. Их введение в научный оборот очень желательно.

Вместе с тем, С. В. Ветохов досконально знаком с историографией скальных гробниц мемфисских кладбищ, включая новейшие зарубежные публикации. В результате, исследование превосходно снабжено сравнительным материалом и временами вносит значимые коррективы в суждения предшественников. Историографический раздел Введения, четко разделяющий публикации по их проблематике и емко формулирующий различия в их подходах и выводах, замечательно аналитичен (с. 21–40).

Наряду с этим, С. В. Ветохов умело сочетает классические основополагающие методы исторического исследования с новаторскими приемами анализа архитектурных элементов гробниц. Помимо продуманного и обстоятельного объяснения методологии исследования во Введении (с. 10–11), её отдельные аспекты затем конкретизируются применительно к исследовательским задачам отдельных глав (напр., с. 75–77).

Столь обширная и прочная информационно-методологическая база позволила С. В. Ветохову сделать и обосновать ряд существенно новых наблюдений и выводов. В Главе 1 автор определяет пять уровней системного единства объектов своего исследования: некрополь – комплекс гробниц – группа гробниц – гробница – комбинация базовых элементов в отдельной гробнице. Внутри комплексов гробниц выделяются «гробницы-ядра», появившиеся на исследуемом участке первыми, и вокруг которых компоновались позднейшие погребальные сооружения на еще не занятых скальных пространствах. С. В. Ветохов показывает, что стремление заказчиков погребального строительства быть ближе к царю и высокопоставленным особам побуждало искусственно создавать участки, пригодные для размещения скальных гробниц и подхода к ним. Он также

обнаруживает, что высокий должностной статус покойного не всегда приводил к вырубанию для него большой и богато декорированной гробницы.

На основе проделанного анализа С. В. Ветохов выделяет ряд критериев датировки как целых комплексов и групп, так и отдельных скальных гробниц по их размещению на плато, внутри комплекса и в группе, а равно для выявления этапов их строительства или расширения. Значим вывод С. В. Ветохова о том, что все гробницы, выходящие в один открытой коридор или двор, обычно предусматривались еще на стадии предварительного планирования.

Изучив датирующие возможности архитектурных элементов скальных гробниц – входа, шахт, погребальных камер, ниш, сердабов, ложных дверей – автор уточняет типологию, предложенную Дж. Рейснером, и даже выделяет новые типы гробниц. Новаторским является объяснение угловых выступов как строительных меток, фиксирующих объемы выполненных работ в шахтных погребениях и свидетельствующих о предварительном планировании участков погребений на кладбище Гизы. По предложенной Ветоховым хронологии распространение угловых выступов приходится на позднюю V–VI династии. В ряде случаев проделанный анализ позволил определить относительные датировки сооружений и выявить строительные стандарты, отразившиеся в их размерах. Вместе с тем, проявляя должную осмотрительность, автор признает, что далеко не все рассмотренные им архитектурные признаки значимы для дальнейшего уточнения датировок.

Интересны наблюдения С. В. Ветохова о тенденции к уменьшению общей высоты ложных дверей с целью размещения над ними увеличенного жертвенного списка и о тенденции к уменьшению глубины шахт, к появлению многокамерных шахт, ниш-погребений и погребений, расположенных непосредственно в шахте, что связано со стремлением к сокращению затрат, с уплотнением комплексов. Рекордное число шахтных погребений вне гробничного комплекса, отход от традиции размещения шахт

внутри гробницы, изменение ориентации тел С. В. Ветохов связывает с тем, что стремление быть похороненным на столичном кладбище преобладало над желанием обладания большой, «правильной» и богато оформленной гробницей в отдалении.

В последней главе диссертации (с. 161–173) автор выделяет важнейшие тенденции развития архитектуры скальных гробниц – появление их новых типов, запланированное расширение для новых погребений с увеличением площади культового места и числа скальных часовен – а также предлагает свои объяснения этому.

Однако не все попытки увязать отмеченные изменения с развитием египетского социума в Старом царстве представляются оппоненту удачными. Скажем, объяснение «расширения гробницы для устройства новых мест погребения» «укреплением» «во второй половине Древнего царства» «семейной ячейки» (с. 15, 170–171, 179) кажется слишком прямолинейным и, в любом случае, недоказанным. Письменных источников, показывающих будто под конец Древнего царства «семейные ячейки» были «прочнее», чем в его начале, не существует, да и трудно придумать, почему такое могло бы случиться. Подмеченные же Ветоховым новации допустимо связать и с ростом благосостояния чиновных семей, и с демонстрацией патронатных отношений, усиливавшейся как раз со второй половины Старого царства (это обстоятельно изучено Д. Франке).

Большей строгости хотелось бы и в работе с титулами. К примеру, ошибочно утверждение, будто в комплексе гробниц на скальном массиве Сен эль-Агуз («комплекс 2») «наиболее высоким статусом... обладал Хафраанх (G 7948), имеющий титул «надсмотрщика за жрецами-уабами пирамиды Хафра» (с. 47–48). Как отмечено и в написанной с участием Ветохова коллективной монографии “Giza Eastern Necropolis III” (Moscow, 2015, p. 107–108), гораздо выше был титул владельца гробницы GE 15 Хуфухотепа – «начальник всех царских работ». Сравнительная же скромность погребения последнего может объясняться, помимо прочего (см. *ibid.*) тем, что

выступивший заказчиком строительства сын Хуфхотепа данного титула еще не получил. Вероятно, при системном анализе комплексов скальных гробниц стоит учитывать статус не только владельца погребения, но и заказчика работ. Титул Кахерптаха (G 7721) «помощник надсмотрщика Дома Сыновей» (с. 60) невозможен: перед нами хорошо известный титул «помощник стражников (дословно «сыновей Дома»)). Часто встречающийся в титулах элемент *shd* – «наставник», дословно «просветитель» – в диссертации передан то как «надсмотрщик за», то как «наблюдатель над» (с. 47–48), то как «инспектор» (с. 44), что при отсутствии поясняющей транслитерации затемняет смысл текста. Кстати, и название первой главы диссертации (с. 2, 41) представляется мне несколько невразумительным.

Однако в целом, структура диссертации замечательно продумана и логична, а отдельные погрешности не мешают считать, что автор справился с поставленными задачами, собрал и проанализировал обширный, в т. ч. полевой материал, и пришел к новым выводам, имеющим существенную практическую значимость. Они не только могут быть учтены при разработке учебных курсов (история архитектуры; история культуры древнего Египта, и т.д.), но и должны быть применены в дальнейших исследованиях погребальных и культовых сооружений древнего Египта периода ранней древности. Показательно, что С. В. Ветохов принимает непосредственное участие в крупномасштабном и уже доказавшем свою плодотворность международном проекте археологического картографирования Гизы “Giza Mapping Project”, возглавляемом М. Ленером. Все составленные С. В. Ветоховым планы гробниц выполнены в соответствии с методическими рекомендациями данного проекта.

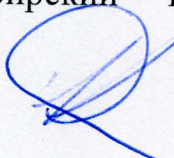
Важнейшие положения диссертации отражены в общей сложности в семи работах, в том числе в трех томах Трудов Российской археологической экспедиции в Гизе (где вклад С. В. Ветохова в разработку проблем архитектуры и датировки скальных гробниц Восточного некрополя Гизы очень велик), а также в международном сборнике статей, изданном в Праге.

Три его статьи опубликованы в журналах, входящих в утвержденный ВАК РФ перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации.

Диссертация С. В. Ветохова является самостоятельной научно-квалификационной работой, содержит целый ряд научно-значимых результатов, соответствует паспорту специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир и средние века) и требованиям пп. 9, 10, 11, 12, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 02. 08. 2016).

С. В. Ветохов заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Официальный оппонент
доктор исторических наук (специальность 07.00.03),
профессор кафедры теории, истории культуры и музеологии
Института истории, гуманитарного и социального образования
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический
университет»

Аркадий Евгеньевич Демидчик

21 марта 2017 г.

Почтовый адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28.
Рабочий тел.: Тел. +7-383-2441992
e-mail: a-demidchik@yandex.ru

Подпись *Демидчик*
Удостоверяю. Зав.канцелярией:
Демидчева МВ

